

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Фукидид-афинянин¹ описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и, кроме того, он видел, что и остальные эллинские города² либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более что происходило еще раньше³, установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельствах⁴ я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

2. Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой¹, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. (2) Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на

суше. И земли свои возделывали настолько лишь, чтобы прокормиться. Они не имели лишних достатков² и не делали древесных насаждений (ведь нельзя было предвидеть, не нападет ли враг и не отнимет ли все добро, тем более что поселения не были укреплены). Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с легкостью покидали насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния. (3) Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, именно в так называемой ныне Фессалии и Беотии³, а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях. (4) Ведь как раз там, где плодородие почвы приводило к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры, отчего эти поселения теряли способность обороняться и вместе с тем чаще привлекали к себе алчность чужеземцев. (5) В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц⁴, и в этой стране всегда жило одно и то же население. (6) И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Атикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию, поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

3. На скудость материальных средств в древности особенно ясно указывает еще и следующее. Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. (2) Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого имени¹, а до Эллина, сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласги, так и другие)² давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде, а другие города начали призы-

вать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами, но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. (3) Наилучшее доказательство этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны³, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды — они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары», — очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем. (4) Как бы то ни было, отдельные племена, принявшие имя эллинов и говорившие на общепонятном для всех языке, до Троянской войны вследствие слабости и отсутствия взаимных связей ничего не совершили сообща. Да и в этом походе они смогли выступить совместно лишь после того, как приобрели больше опыта в мореходном деле.

4. Как нам известно из предания, Минос¹ первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев², поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.

5. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обратились к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишённые средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания немущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим большую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом. (2) На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной),

а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос¹ — не разбойники ли они, — так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания. (3) Они грабили друг друга также и на суше. И поныне во многих областях Эллады живут люди, у которых существует еще этот старинный образ жизни, как, например, у озольских локров, в Этолии, Акарнании и других областях материка. Обычай носить оружие сохранился в домашнем обиходе этих материковых жителей со времен древнего занятия разбоем.

6. В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были не укреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам. (2) Те области Эллады, где такой быт еще сохранился, служат явным доказательством тому, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе. (3) Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни. Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически¹, закальваемой золотыми булавками в форме цикад. Поэтому и у ионян, связанных с афинянами племенным родством, эта манера одеваться также еще долго сохранялась². (4) Лакедемоняне первыми стали носить простую одежду нынешнего времени, и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни одинаковый с простым народом. (5) Они впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях³ борцы выступали в набедренных повязках, и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев Древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров.

7. Города, основанные в последнее время¹, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города² как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее прибрежное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны.

8. Но разбойниками были островитяне — карийцы и финикияне¹, поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение² Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказались карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. (2) После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников³, заселил большую часть находившихся под их властью островов. (3) И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. (4) Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Троию они выступили лишь спустя много времени.

9. Агамемнон¹, полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Тиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников. (2) По рассказам людей, получивших от предков самые достоверные предания об исторических событиях в Пелопон-

несе, Пелопс² первым добыл себе власть ценою больших сокровищ, с которыми он прибыл из Азии к людям бедным. Он добился того (хотя и был пришельцем), что страну назвали его именем, и потомки его впоследствии достигли еще большего могущества. Еврисфей³ был убит в Аттике Гераклидами⁴, после того как доверил Микены и царскую власть Атрею, брату своей матери (бежавшему раньше от своего отца вследствие убийства Хрисиппа). Когда Еврисфей не вернулся из похода, Атрей получил царскую власть над микенцами, которые из страха перед Гераклидами добровольно согласились на это, ибо Атрей, будучи человеком могущественным, расположил к себе и микенский народ, и всех других подвластных Еврисфею. Так-то Пелопиды⁵ стали могущественнее потомков Персея⁶. (3) Все это могущество Агамемнон, очевидно, унаследовал и, кроме того, превосходил остальных своим флотом, и потому, выступая в поход, он повел за собой войско не столько из-за приязни к нему других вождей, а скорее оттого, что внушал им страх. Он и сам прибыл со множеством кораблей, да еще, по словам Гомера (если только его можно считать достоверным свидетелем)⁷, предоставил корабли и аркадцам. (4) И в рассказе о вручении по наследству скипетра Гомер говорит, что Агамемнон властвовал

над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным⁸.

Конечно, живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), если бы он не обладал значительным флотом. Итак, Троянский поход позволяет судить о том, каково было общее состояние Эллады к тому времени.

10. Впрочем, будь Микены даже совсем небольшими (равно как любой, существовавший тогда город, теперь, на наш взгляд, является незначительным)¹, это еще не представляет убедительный довод для того, чтобы считать Троянский поход не столь уж великим, каким его изображают поэты и как гласит молва. (2) Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем

уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса² и стоят во главе всего полуострова³ да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое большим в сравнении с действительностью. (3) Поэтому и в данном случае не следует относиться к преданию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов⁴, чем на их действительное значение. Троянский же поход следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, приукрасил и преувеличил это событие, но все же поход представляется довольно незначительным. (4) Действительно, поэт называет 1200 кораблей; на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета — по 50⁵. Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли. О величине других, во всяком случае в «Списке кораблей»⁶, Гомер не упоминает. На то, что все люди на кораблях были и воинами и гребцами, поэт ясно указывает при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю скорее на манер разбойничьих судов. (5) Во всяком случае (если взять среднее число людей на самых больших

и самых малых кораблях), очевидно, в поход отправилось не так уж много ахейцев, особенно если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой.

11. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств. Ведь из-за трудности снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, именно с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных средств. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении¹ (это ясно: ведь иначе они не смогли бы построить стену около стана), то даже и тогда они, очевидно, не использовали для войны все свое войско, но трудности добывать пищу заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе² и грабежом³. По этой именно причине, вследствие раздробленности боевых сил ахейцев, троянцы легко оказывали им сопротивление в открытом поле в течение десяти лет и всегда были в состоянии помериться силами с остающимся на месте врагом. (2) Напротив, если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно и всеми силами, то легко взяли бы Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющихся в наличии, они успешно сопротивлялись; начав осаду, они взяли бы Трою гораздо скорее и без больших усилий. (3) Так что не только прежние походы были по скудости средств незначительными, но и этот, знаменитейший из всех них, — Троянский, на деле представляется не столь замечательным, как это теперь утверждает предание, сохраненное поэтами.

12. Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. (2) Ведь запоздалое возвращение элинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города¹. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона² вытесненные фессалийцами³ из Арны, поселились в современной Беотии, прежде

называвшейся Кадмейской землей⁴ (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправившиеся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес⁵. (3) Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов⁶, Италию⁷ же и Сицилию — большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе⁸. Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

13. Между тем Эллада становилась могущественнее и все более богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов¹, тогда как прежде у них была наследственная царская власть² с определенными почетными правами и преимуществами. Эллины начали строить корабли и обратились к мореходству. (2) По преданию, коринфяне первыми приступили к строительству кораблей способом, уже весьма похожим на современный, и в Коринфе были построены первые в Элладе триеры³. (3) Коринфский кораблестроитель Аминокл, который прибыл к самосцам приблизительно лет за триста до окончания этой войны, построил и им четыре корабля. (4) Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами⁴ (а от этой битвы до того же времени⁵ прошло около двухсот шестидесяти лет). (5) Коринфяне ведь уже с давних пор жили в городе на Истме и владели там торговым портом⁶. Так как в древности у эллинов (живших как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами) торговля шла через город коринфян больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател, как об этом сообщают древние поэты: это они прозвали Коринф богатым⁷. С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче от притока доходов

с суши и с моря. (6) У ионян⁸ же флот появился гораздо позднее, уже при Кире, первом персидском царе, и его сыне Камбисе. С этим флотом ионяне во время войны с Киром некоторое время удерживали господство на море, у своих берегов. И Поликрат⁹, тиран Самоса, при Камбисе также владел сильным флотом. Он подчинил себе, кроме других островов, также и Рению, которую посвятил Аполлону Делосскому. Наконец, и фокейцы, основавшие Массалию¹⁰, побеждали карфагенян в морских битвах¹¹.

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконтеры и длинные военные корабли¹, подобные кораблям троянских времен. (2) Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. (3) Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве — пентеконтеры. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян² построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы³.

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города¹, которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова² и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. (2) Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за преде-

лы своей земли эллины не совершали. У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. (3) Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами³ остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян¹ на них во главе Персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он завоевал все земли по сю сторону реки Галиса до моря и лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова².

17. Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения, они не совершили ничего значительного¹, и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества². (2) Так-то развитию Эллады долгое время мешали различные препятствия. Поэтому она не могла сообща совершить ничего великого, а отдельные города были слишком мало предприимчивы.

18. Афинские тираны, да и большинство их в остальной Элладе (которая уже ранее долго находилась под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами¹. Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей². Однако уже издревле город управлялся хорошими законами³ и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества⁴, они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через

несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. (2) А на десятый год⁵ после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара, немного спустя все отпавшие от царя элины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. (3) Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками⁶ (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изоцряясь в опасностях.

19. Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления¹. Афиняне же со временем заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать. Поэтому-то их боевая мощь перед этой войной возросла даже больше, нежели в ту пору, когда союз еще находился в расцвете.

20. Итак, вот к чему я пришел, исследуя древнее состояние Эллады, хотя и трудно было доверять полностью любому свидетельству. Ведь люди склонны принимать¹ на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. (2) Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристо-

гитон убили Гиппарха (который был тираном), и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями². Но Гармодий и Аристоклитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппию, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха, встретив его у так называемого Леокория³, где он распоряжался панафинейским шествием⁴. (3) Да и прочие эллины о многих других установлениях и обычаях, существующих еще и поныне, память о которых не изглажена временем, также имеют неправильные представления. Так, например, думают, что лакедемонские цари при голосовании имеют не один, а два голоса каждый и что у лакедемонян был питанатский отряд⁵, которого вообще никогда не существовало. Ибо большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды.

21. Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы¹ (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны. (2) Нынешняя же война (хотя люди обычно, только пока воюют, придают текущей войне самое важное значение, а по ее окончании склонны удивляться больше войнам прежнего времени) докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более важным, чем прежние войны.

22. Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время ее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которые мне

пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории. (2) Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного¹ и не по личному усмотрению², но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать сообщения других со всей возможной точностью. (3) Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. (4) Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей.

23. Из прежних событий, до Пелопоннесской войны, самым важным была мидийская война¹, однако и она быстро решилась двумя битвами на море и двумя на суше². Напротив, нынешняя война длилась очень долго, и в ходе ее сама Эллада испытала такие бедствия, каких никогда не знала ранее за такое же время. (2) Никогда не было захвачено и разрушено столько городов — будь то варварами или воюющими сторонами (иным после завоевания пришлось даже испытать еще и смену населения); никогда еще не было столько изгнаний и кровопролития (как в ходе военных действий, так и вследствие внутренних распрей). (3) То, что раньше было известно только по пре-

данию, а в действительности не всегда подтверждалось, теперь оказывалось обычным делом: страшные землетрясения одновременно распространились на большую часть страны, затмения солнца³ стали происходить чаще, затем возникла засуха (в некоторых областях даже голод)⁴, и, наконец, разразилась ужасная моровая болезнь, погубившая значительную часть населения Афин. И все эти бедствия обрушились на Элладу вместе с нынешней войной. (4) Начали же войну афиняне и пелопоннесцы, нарушив 30-летний мир⁵, который заключили после завоевания Евбеи. (5) Прежде всего скажу о причинах разрыва мирного договора и взаимных жалоб сторон, чтобы никому не пришлось доискиваться, отчего разразилась в Элладе столь великая война. (6) Истинным поводом к войне⁶ (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать. Причины же⁷, на которые обе стороны открыто ссылались (из-за чего они, по их словам, нарушили мир, открыв военные действия), были следующие.

24. Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн¹. В соседней области живут тавлантии — варвары иллирийского племени². (2) Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов³, коринфянин, которого по старинному обычаю призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. (3) С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. (4) Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое бывшее могущество. (5) Незадолго до этой войны народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море. (6) Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство

в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. (7) Об этом послы и просили, воссев как молящие о защите в святилище Геры⁴ в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

25. Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы спросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа, как их второй метрополии, и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. (2) Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. (3) Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам¹. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. (4) И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях². И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше³ других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки⁴ (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

26. Итак, имея все основания упрекать керкирян, коринфяне охотно направили в Эпидамн просимую помощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из ампракиотов, левкадян и собственных граждан. (2) Выступили они по суше в Аполлонию¹ (одну из колоний коринфян) из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем. (3) Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн² 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). (4) Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с илирийцами выступили на 40 кораблях в поход на Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой. (5) Расположившись станом перед городом, керкиряне объявили через глашатая: «Всякий эпидамнянин или чужеземец может по желанию беспрепятственно покинуть город; в противном случае с ними поступят как с врагами». После того как эпидамняне не подчинились приказу, керкиряне начали осаду города, расположенного на перешейке.

27. Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу¹, вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внося в казну 50 коринфских драхм². Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги. (2) Затем коринфяне обратились к мегарцам с просьбой послать корабли для сопровождения на случай возможных помех

со стороны керкирян. Мегарцы снарядили 8 кораблей, чтобы плыть вместе с коринфянами, жители Палы из Кефаллени — 4. (3) Эпидавр, к которому они также обратились с просьбой, прислал 5 кораблей, гермионяне — 1, Трезен — 2, Левкада — 10, Ампракия — 9; у Фив же и Флиунта коринфяне просили денег, а у Элеи — кораблей без экипажей³ и денег. Сам Коринф снарядил 30 кораблей с тремя тысячами гоплитов.

28. Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с послами¹ лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. (2) Если же коринфяне выставляют какие-либо притязания на этот город, то они, керкиряне, желали бы передать спор на суд тех городов в Пелопоннесе, с которыми обе стороны договорятся, и какой из сторон колония будет присуждена, та и должна владеть ею. Они согласны также предоставить решение дела дельфийскому оракулу. (3) Войну они не хотят начинать. Если же коринфяне прибегнут к силе, заявили керкиряне, то они также будут вынуждены искать себе иных друзей, хотя бы и нежелательных, вместо тех, что у них есть теперь. (4) Коринфяне же отвечали им: если керкиряне уведут свои корабли и варваров² от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. (5) Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третейском суде.

29. Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам. Затем, подняв якоря, они на 75 кораблях с 2000 гоплитов¹ отплыли к Эпидамну, чтобы оружием решить спор с керкирянами. (2) Коман-

довали коринфской эскадрой Аристей, сын Пеллиха, Калликрат, сын Каллия, и Тиманор, сын Тиманфа, а во главе сухопутных войск стояли Архетим, сын Евритима, и Исархид, сын Исарха. (3) Когда коринфская эскадра подошла к Актию² в Анакторийской области, у входа в Ампракийский залив, где находится известное святилище Аполлона, керкиряне выслали навстречу глашатая в лодке с приказанием остановиться. Одновременно керкиряне начали сажать команду на свои корабли, отремонтировали старые суда, сделав их годными для плавания, и оснастили остальные. (4) Когда глашатай передал, что их мирные предложения отвергнуты, керкиряне посадили команду на свои корабли (числом 80, потому что 40 кораблей осаждали Эпидамн) и в боевом порядке повернули на врага и вступили в сражение. Они одержали решительную победу, уничтожив 15 коринфских кораблей. (5) В тот же самый день, по совпадению, керкирянам, осаждавшим Эпидамн, удалось принудить город к сдаче под условием, что чужеземцы³ будут проданы в рабство, а коринфяне в оковах будут ждать окончательного решения своей участи.

30. После этой морской битвы керкиряне воздвигли трофей на мысе Левкимме¹ (что на Керкире), а потом казнили всех остальных пленников², попавших им в руки, кроме коринфян; коринфян же заключили в оковы. (2) Позднее, после того как коринфяне и их союзники на кораблях возвратились на родину, керкиряне захватили господство над всеми водами в окрестных областях. Затем они отплыли к коринфской колонии Левкаде, разорили ее и предали огню Киллену³, торговую гавань элейцев, за то, что те предоставили коринфянам корабли и денежные средства. (3) Таким образом, еще очень долго после морской битвы керкиряне господствовали на море и наносили морскими набегами урон союзникам коринфян. Ввиду тяжелого положения своих союзников коринфяне в начале следующего лета отправили эскадру и войско для охраны Левкады и прочих дружественных им городов

и расположились лагерем у Актия и возле Химерия в Феспротии. (4) Керкиряне также устроили стоянку своих кораблей и сухопутных войск напротив у Левкиммы. Однако ни одна из сторон не решалась напасть, и обе эскадры простояли оставшуюся часть лета друг против друга, а с наступлением зимы возвратились домой.

31. Целый год, равно как и следующий после морской битвы, коринфяне, раздраженные неудачей, усердно готовились к войне с керкирянами. Они строили корабли и набирали за плату матросов из самого Пелопоннеса и из остальной Эллады, всеми силами стремясь подготовиться к морскому походу. (2) Узнав об этих приготовлениях, керкиряне пришли в смятение; ведь они не состояли в союзе ни с одним из эллинских городов и не заключили союзного договора ни с афинянами¹, ни с лакедемонянами. Поэтому они решили отправиться к афинянам, чтобы вступить с ними в союз и попытаться получить от них помощь. (3) Когда это решение стало известно коринфянам, они также отправили посольство в Афины, опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян условиях. (4) На созванном по этому поводу чрезвычайном народном собрании в Афинах обе стороны выступили с речами. Керкиряне сказали следующее.

32. «Справедливо, афиняне, чтобы тот, кто просит помощи у другого, как мы теперь у вас (если он не вправе рассчитывать на вознаграждение за прошлые великие благодеяния или на союзные взаимоотношения), доказал, что удовлетворение его просьбы соответствует интересам тех, к кому он обращается, или, по крайней мере, не противоречит им и что эта помощь будет встречена с неизменной благодарностью. Если же проситель не сумеет в этом убедить, то не должен гневаться, если уйдет ни с чем. (2) Ныне керкиряне послали нас просить о союзе, полагая, что смогут при нашем посредстве представить вам надежные гарантии того, что мы не останемся в долгу перед вами. (3) К сожалению, наша прежняя

политика нейтралитета по отношению к вам оказалась одинаково неблагоприятной для вашей готовности помочь нам и опасной для нас при настоящем положении вещей. (4) Прежде мы добровольно никогда еще ни с кем не вступали в союз, а теперь сами пришли просить вас об этом, не имея союзников в предстоящей войне с коринфянами. И таким образом, то, что прежде мы считали благоразумной сдержанностью — именно не вступать в войну по воле других, состоя в союзе с чужим государством, — теперь обернулось безрассудством и стало источником нашей слабости. (5) Правда, в последней морской битве мы одни своими силами разбили коринфян. Однако теперь, когда они собираются напасть на вас с гораздо более мощными силами, получив помощь из Пелопоннеса и из остальной Эллады, мы видим, что уже не можем одолеть врага один на один, а вместе с тем в случае поражения нам грозит опасность оказаться под их господством. Поэтому-то мы вынуждены обратиться за помощью к вам и к любому другому городу. Мы заслуживаем снисхождения, так как не из недоброжелательства, а скорее по ошибочному расчету придерживались ранее нейтралитета, а теперь решились отступить от прежней бездеятельности.

33. Если вы благосклонно примете нашу просьбу, то и для вас этот случай будет выгоден во многих отношениях¹. Прежде всего потому, что вы предоставите желанную помощь несправедливо обиженным, а не тем, кто причиняет вред другим. Затем потому, что, поддерживая нас в тот момент, когда решается наша судьба, вы окажете нам благодеяние, память о котором никогда не изгладится. И наконец, потому, что мы обладаем сильнейшим после вашего флотом. (2) Учтите, какая это редкая удача для вас и какой тяжелый удар для ваших врагов, когда держава, которую вы охотно привлекли бы на свою сторону даже за большие деньги и суля великую признательность, теперь сама по собственному почину обращается к вам. При этом она отдает себя в ваше распоряжение, не

подвергая вас никакому риску и не вовлекая в расходы, приносит вам славу великодушия и, кроме того, благодарность ваших подзащитных и, наконец, усиливает вашу боевую мощь. Лишь немногим сразу когда-либо выпадала на долю такая удача, как вам, и лишь немногие, прося сейчас о помощи, смогут предоставить в случае нужды такую же защиту и почет, каких в настоящее время ожидают от вас. (3) Что же касается войны (когда наши услуги, пожалуй, вам пригодятся), то жестоко ошибаются те, кто думает, что дело до войны не дойдет. Они не видят, что лакедемоняне стремятся к войне из страха перед вами² и что коринфяне — ваши враги, столь влиятельные у них, — только и думают сначала справиться с нами, чтобы потом напасть на вас. Коринфяне опасаются только, как бы мы из общей ненависти не встали вместе с вами плечом к плечу против них и как бы им не упустить хотя бы одной из двух возможностей: уничтожить нас или усилиться самим. (4) Итак, наша общая задача — первыми напасть на них; мы предлагаем вам союз, а вы примите его: лучше сейчас предупредить их замыслы, чем противодействовать им потом.

34. Если же коринфяне скажут, что мы — их колонисты, и поэтому вы не вправе принимать нас, то да будет им известно, что всякая колония почитает свою метрополию, лишь пока та хорошо обращается с нею, если же встречает несправедливость, то отрекается от метрополии. Ведь колонисты выезжают не для того, чтобы быть рабами оставшихся на родине, а чтобы быть равноправными с ними. (2) Несправедливость же поведения коринфян очевидна: ведь мы предложили спор об Эпидамне перенести в третейский суд. Но они вместо законного судебного разбирательства предпочли силой оружия добиваться своих притязаний. (3) И пусть вам послужит уроком¹ такое обращение с нами, их сородичами, чтобы вы не дали им провести себя хитростью и отказали в том, что они напрямик попросят. Ведь чем кто меньше раскаивается в своих одолжениях врагам, тем безопаснее он проживет.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая	5
Книга вторая	97
Книга третья	170
Книга четвертая	245
Книга пятая	332
Книга шестая	395
Книга седьмая	469
Книга восьмая	534

ПРИЛОЖЕНИЯ

От переводчика	609
<i>Г. А. Стратановский. Фукидид и его «История»</i>	611
<i>Примечания. Г. А. Стратановский</i>	660
Словарь древнегреческих терминов, встречающихся у Фукидида	789
Афинский календарь. Античные меры длины. Меры веса	792
Список сокращений	793